

Автор: Братченко С.

"...в решающих случаях субъективное познание также важно, как и объективное."

(Карл РОДЖЕРС)

"Понимание того, как редко мы настоящему обладаем внутренним осознанием, кажется мне необычайно важным. Если мне трудно всерьез думать о своей жизни, неудивительно, что мне не удастся построить такую жизнь, как я хочу."

(Джеймс БЮДЖЕНТАЛ)

Проблема понимания обычно рассматривается как проблема понимания другого (в непосредственном общении или опосредованно – через текст)... Но есть и иной аспект понимания, зачастую незаслуженно недооцениваемый, – понимание себя самого...

Один из парадоксов развития психологии состоит в том, что ее рождение в качестве самостоятельной науки было связано, как известно, с провозглашением интроспекции (самонаблюдения, "работы" с собственным сознанием) ведущим методом психологического исследования, а затем именно интроспекцию и именно психологи, претендующие на "ученость", попытались изгнать из психологии как раз за "ненаучность"... При этом, как водится, с водой выплеснули и ребенка - недоверие к аналитической интроспекции было перенесено на все субъективные методы психологического познания и распространилось не только в научной психологии (позитивистские варианты которой действительно плохо совместимы с самоисследованием), но и в практической работе психологов (о чем свидетельствует, в частности, повсеместное засилье "объективных" тестов и экспериментов). Я уверен, что это ведет к весьма существенному обеднению ресурсов – как с точки зрения профессиональной деятельности психолога, так и его личностного роста. Возможности постижения сложнейшего, неисчерпаемого, удивительного внутреннего мира человека в его "безжалостном разнообразии" (Дж.Бюджентал) никак не могут быть ограничены каким-то одним "правильным" способом изучения...

***

В одной из своих методологических работ Карл Роджерс сделал, на мой взгляд,

очень принципиальное разведение трех основных путей получения знаний в психологии /Роджерс, 1986 /:

- субъективное познание
- объективное познание
- межличностное познание.

Причем, компетентность в использовании всех путей познания является, с точки зрения Роджерса, признаком зрелости не только науки, но и человека: "...психологически зрелая личность, подобно развитой науке, использует те же три типа познания" / там же, с. 211 /.

Подчеркивая необходимость "использовать все существующие пути познания", в своей практике, однако, Роджерс отдавал явное предпочтение "третьему пути", межличностному. Но при этом признавал, что именно первый путь – субъективное познание – является исходным: " с моей точки зрения, это основной путь познания, ... на базе которого мы формируем и уточняем наши сознательные представления и концепции" / там же, с. 204 /.

Очевидно, что наибольшее значение субъективный путь познания имеет для постижения субъективных же аспектов жизни человека. А понимание именно этих субъективных аспектов человеческой жизни – и есть главный с точки зрения экзистенциально-гуманистической психологии смысл понимания человека (и другого, и, тем более – себя).

Суть субъективности очень ярко, последовательно и содержательно раскрыта в концепции Дж. Бюджентала, где субъективность рассматривается как психологическая основа бытия человека, его внутренняя жизнь, как мир субъективных переживаний, «личная» реальность человека, в которой он живет наиболее подлинно. Основные составляющие этой субъективной реальности - «наши образы восприятия, мысли, чувства и эмоции, ценности и предпочтения, предвидения и опасения, фантазии и мечты, а также все то, что бесконечно, днем и ночью, во сне и в бодрствующем состоянии происходит в нас, определяя то, что мы делаем во внешнем мире и что мы делаем из того, что там с нами случается» /Bugental, 1987, p.7/. Субъективность - это, по выражению Бюджентала, «архетипическая родина» человека, откуда берет начало все самое важное в его жизни. И поэтому именно субъективность и происходящее в ней – это, перефразируя Фрейда, «королевская дорога» постижения человеческого в человеке. Подлинное понимание человека возможно только в контексте его внутренней субъективной реальности. И чем серьезнее и острее проблема, тем основательнее необходимо погружение в субъективность «хозяина» проблемы – в этом «не могут помочь никакие объективные манипуляции, сколько бы их ни было» /ibid., p.4/. Иными словами - любая активность во внешнем по отношению к человеку мире подлинный смысл приобретает постольку, поскольку она затрагивает его мир внутренний, субъективность.

Однако, именно признание субъективности и освоение соответствующего ей "основного пути" познания для психологии оказались делом чрезвычайно трудным. в результате "бескомпромиссное требование научной объективности привело к тому, что мы оказались не готовыми к столкновению с теми действительно значительными проблемами, которыми современный мир расплачивается за свое существование...", - и именно потому, что они "являются, по существу, проблемами человеческой субъективности, то есть проблемами воли, ценностей, человеческих отношений, самости, ощущений угрозы и эмоциональной мобилизации в ответ на них." / Bugental J.F.T., Sapienza B.G., p.274 /. Далее цитируемые авторы еще более усиливают остроту вопроса, ссылаясь на известные слова Пола Тиллиха, о том, что человек сопротивляется объективации, и если его сопротивление сломлено, то сломлен и сам человек...

Речь, разумеется, не том, чтобы субъективные аспекты "отменили" или заменили объективные, – важно видеть и понимать человека во всей возможной полноте и целостности – а о признании неустранимой существенной значимости субъективного и осознании его нарастающего приоритета по мере попыток более глубокого понимания внутреннего мира реального живого (и живущего!) человека. Не стоит переоценивать роль субъективного – но куда страшнее его недооценивать...

Нельзя, конечно, сказать, что внимание к субъективному и его познанию совсем чужды современной психологии; более того – со второй половины XX века в наблюдается своеобразный ренессанс интереса к субъективности. Самые разнообразные подходы и техники самоисследования занимают ныне весьма почетное место почти во всех ведущих психологических школах (в первую очередь – психотерапевтической ориентации). Можно выделить концепции осознания в гештальт-терапии, фокусирования Ю.Джендлина, поиска Дж.Бюджентала и др. Однако, очевидно – возможности "третьего пути" по-прежнему далеко не исчерпаны и актуальность работы в этом направлении, по-моему, только усиливается.

В самом общем виде суть субъективного познания, по Роджерсу, – в том, что новое знание я приобретаю, обращаясь к собственной внутренней "индивидуальной системе координат»: сначала "я формирую внутреннюю гипотезу, опираясь на мой личный опыт", а затем и проверяю ее, спрашивая себя, обращаясь к моему внутреннему опыту и переживаниям, которые помогут ответить на данный вопрос /Роджерс, 1986, с. 202-203/. Далеко не всегда процесс субъективного познания идет быстро и "линейно" – человек "интенсивно работает над проверкой этих внутренних гипотез, продвигаясь вперед, когда чувствует, что структура вырисовывается четче, и меняя направление, когда ощущение общей структуры исчезает"; в результате, по мере того, как "в эти гипотезы вносятся поправки путем более тонкой их дифференциации, они становятся более точными и соответствующими действительности", – и таким путем обеспечивается постепенное продвижение от "неясного знания" ко все более точному, дифференцированному пониманию / там же, с. 203-204/.

Сходным образом (только с большим акцентом на "телесных переживаниях") описываются процессы "преконцептуального приобретения опыта", "символизации" и "концептуализации" переживаний и т.д. – в концепции фокусирования Ю.Джендлина /

2000 /.

Естественно, осуществление такой "работы по самопониманию" требует немалых усилий, мужества, определенных способностей – которые я бы назвал рефлексивно-феноменологической компетентностью, – и предполагает применение определенных методов и приемов. Конкретных дорог и тропинок на этом субъективном пути познания и понимания, естественно, множество... В данном случае более подробно остановлюсь на одном из возможных направлений, которое условно можно обозначить как ВОПРОСЫ САМОМУ СЕБЕ, на примере конкретной сферы – образования взрослых.

***

Уже много лет моя основная деятельность (лекции, семинары, тренинги, консультирование и т.д.) происходит во взаимодействии со взрослыми людьми – психологами, педагогами, руководителями и специалистами самого разного профиля. Работу со взрослыми – тем более «по-взрослому» – считаю не менее важной, сложной и ответственной, чем с детьми, и поэтому, естественно, постоянно ощущаю потребность делать свое дело более осознанно, с пониманием, зряче, - для чего необходимо регулярно осуществлять "работу осознания". Среди возможных способов такой рефлексивной активности я опробовал и "вопросы самому себе" – очень эффективный, но незаслуженно мало используемый метод субъективного познания.

Идея вопросов самому себе принадлежит Карлу Роджерсу и блестяще реализована в его статье «Вопросы, которые я бы себе задал, если бы был учителем» / Роджерс, 1987 /. Для меня этот небольшой текст – одно из самых ярких и глубоких произведений в мировой литературе по проблемам образования, своеобразный «манифест гуманистической педагогики».

Путь осознания оснований собственной деятельности через вопросы к себе представляется мне и красивым, и точно соответствующим сути подлинного образования, непременным условием которого является максимальная осмысленность, личная значимость педагогического процесса для всех его участников. Это верно для любого полноценного образования, включая и школьное (не случайно Роджерс задавал вопросы себе именно как учителю), но в особенности – для образования взрослых. Андрагогу, убежден, важно не столько совершенствоваться в технологиях «наставления» других, сколько обратить внимание на себя самого, – как на одного из главных действующих лиц в «драме образования», решающим образом предопределяющим качество образования и, по сути, являющимся главным ресурсом его улучшения.

У меня подобных вопросов к себе много, периодически они меняют свой смысл, акценты и форму, их трудно (невозможно ?!) сформулировать строго, однозначно и окончательно... Но они напоминают о себе постоянно и на сегодня наиболее значимые для меня вопросы можно условно объединить в следующие группы моих андрагогических вопросов самому себе.

Достаточно ли хорошо я осознаю, что значит работать со взрослыми учащимися? В чем суть отличий от обучения детей и подростков? Понимаю ли я, что большинство взрослых – это люди достаточно зрелые, самостоятельные и критичные, со своей индивидуальностью, своими сложившимися ценностями, взглядами, имеющие богатый жизненный, профессиональный да и учебный опыт? Достаточно ли ясно я умею понять реальные потребности и интересы этих людей, их мотивы и запросы, с которыми они обращаются к системе образования? Готов ли я построить обучение таким образом, чтобы каждый из них мог найти для себя что-то полезное и применимое при решении своих профессиональных и/или жизненных проблем ?

Что я могу дать (помочь увидеть и понять, поставить вопрос, задуматься, рассказать...) взрослым людям – кроме того, что они и сами могут узнать из книг или других источников? В чем именно я могу быть интересен для данной конкретной аудитории, в чем мой ресурс, сильные стороны и отличие от других преподавателей? Есть ли у меня собственная позиция по рассматриваемым вопросам, в чем она состоит и достаточно ли обоснована? Какие ценности я актуализирую и отстаиваю в процессе обучения, и в чем его смысл лично для меня? Что из содержания обучения значимо, по моему мнению, для учащихся, а что имеет смысл лично для меня? И как я могу увеличить уровень и глубину осмысленности и личной значимости обучения – для обеих сторон ?

Умею ли я активизировать и включить в процессе обучения ресурс индивидуального опыта, знаний и способностей самих учащихся? Осознаю ли я значимость и потенциал «личностного знания» каждого из участников обучения? Понимаю ли природу и механизмы полноценного развития (личностного и профессионального), способен ли создавать оптимальные условия и возможности для максимального вклада каждого учащегося и раскрытия их потенциала – т.е. готов ли я быть эффективным фасилитатором? Владею ли я адекватными для взрослой аудитории средствами обучения – проблемными и активными (игровыми, дискуссионными и т.д.) методами, групповыми формами, - которые активизируют и поддерживают процессы поиска как основы личностного роста и профессионального совершенствования?

Достаточно ли я уважителен и толерантен – чтобы внимательно и терпимо относиться к неизбежному разнообразию индивидуальных мнений и оценок взрослых людей? Готов ли быть прежде всего собеседником и консультантом, помогающим глубокому и многоаспектному рассмотрению изучаемых вопросов на уровне диалога, а не ментором, несущим непреложные «истины» в монологичном режиме? Насколько я готов к дискуссии, терпеливому обсуждению, понимаю важность и ценность различия и многообразия точек зрения (в том числе – непривычных, непонятных для меня), вообще «иного» – особенно при исследовании сложных и неоднозначных психолого-педагогических проблем?

Могу ли я быть открытым и гибким в той мере, которая необходима для работы со взрослыми людьми, и при этом – не утрачивать собственной позиции? Достаточно ли у меня богатый арсенал содержания и методов обучения, хорошо ли я знаком с различными (в том числе – и отличными от моих собственных взглядов) точками зрения, умею ли я учитывать особенности и состояние конкретной аудитории и отдельных

людей, а также их изменение, динамику в процессе обучения и откликаться на это – каков мой ресурс креативности и вариативности?

***

Естественно, данный перечень – только один из возможных вариантов подобных вопросов, и максимальную пользу принесет работа над своими вопросами. Поэтому наиболее целесообразно не предлагать готовый список, а инициировать конструирование системы "вопросов себе" совместно с теми, кто готов на них отвечать.

Мне самому полноценные и содержательные ответы на перечисленные вопросы часто дать очень непросто. И, конечно же, ответы эти далеко не всегда такие положительные, как хотелось бы... Но, если видеть в них не жесткий «обязательный норматив», а цель развития, ориентир, то и возможный «зазор» между желаемым и действительным можно рассматривать в качестве резерва и направлений дальнейшего движения. В данном случае важны не только вопросы-ответы как таковые – особой ценностью обладает сам процесс самоисследования, глубинного поиска, который ведет к углублению понимания и самосознания.

Иными словами, работа подобного типа обладает сразу несколькими достоинствами и имеет большие возможности как минимум в двух направлениях:

- диагностическом,
- развивающем.

Диагностические возможности

Вопросы себе" очень близки методам рефлексивной диагностики. Эти методы не имеют в качестве приоритетной "измерительно-испытательную направленность" – их цель "не столько получение максимально исчерпывающей и объективной информации об интересующем ... феномене (как принято в традиционной психодиагностике), сколько создание рефлексивной среды, с тем чтобы наиболее полно осмыслить профессиональную реальность" / Варламова, Степанов, 1997, с. 28 /. Однако, рефлексивная диагностика при соблюдении ряда условий и принципов / Варламова, Степанов, 1997; Ключева, 1998 и др. / – прежде всего психологическая безопасность процедур диагностики и ее последствий; активность, "субъектная" и ответственная позиция всех участников диагностического процесса (включая и тех, кого диагностируют), их соучастие в определении цели и смысла исследования, в создании новой или модификации имеющейся диагностической методики, в ее применении, обработке и интерпретации результатов; адекватный выбор предмета изучения (наиболее целесообразно исследовать такими способами ценности, смыслы, образ себя и отношение к себе, коммуникативные установки, профессиональную и жизненную позицию, творческую уникальность) и т.п. – обладает огромными и пока мало используемыми диагностическими возможностями. Причем, таким путем можно

исследовать именно те аспекты, которые, в сущности, почти недоступны "объективным" и стандартизированным методам, – "экзистенциальные феномены... как своей индивидуальной профессиональной деятельности, так и своих организаций и коллективов в целом" / Варламова, Степанов, 1997, с. 29 / и другие глубинные, ценностно-смысловые основания взглядов, поступков и всей жизнедеятельности человека.

Кроме того, эти (и подобные) вопросы могут служить в качестве основы для разработки одного из вариантов системы критериев – при исследовании качества работы андрагога и для создания системы обратной связи в образовании взрослых. Уверен – без полноценной, глубокой и содержательной обратной связи любой деятель рискует превратиться во "всадника без головы" со всеми вытекающими последствиями... Для образовательной деятельности эта проблема еще более остра. Даже простое функционирование "близорукого" образования (в том числе – и взрослых) будет испытывать серьезные затруднения. Тем более наивно в этом случае будет рассчитывать на построение образования "по-взрослому" – с соблюдением основных андрагогических принципов (таких как принцип субъектности, принцип опоры на опыт, принцип рефлексивности - подробнее см. / Братченко, 2004 / и др.).

Отдельно стоит отметить и большие возможности использования рефлексивных способов познания при проведении экспертизы – в особенности гуманитарной экспертизы образования, т.е. такого гуманистического по своим целям и ценностям и гуманитарного по методологии способа познания педагогической реальности, цель которого состоит в выявлении и осмыслении гуманитарно-гуманистических аспектов ("человеческого измерения") конкретных образовательных ситуаций, в определении "личностной цены" образования, а также в поиске и актуализации потенциалов реальной гуманизации (о концепции ГЭО см. /Братченко, 1999; 2003/ и др.).

Но, конечно, при всей важности диагностических возможностей "вопросов", гораздо важнее их развивающий потенциал.

Развивающие возможности

Даже стандартное тестирование может привести его участников к тем или иным открытиям – в процессе же задавания вопросов себе и поиске ответов на них это становится практически неизбежным. Причем, особой ценностью обладает качество совершаемых открытий – это не просто определение "уровня развития" отдельных качеств и уж тем более не "диагноз", а новый взгляд на себя и новые открытия в себе самом...

Джеймс Бюджентал, автор красивой и фундаментальной концепции экзистенциального поиска, говорит о нем как о "могущественной жизненной силе", к которой "мы обращаемся всякий раз, когда встречаемся с ситуацией, на которую нам необходимо отвечать при отсутствии ответов, проверенных прошлым опытом" / 2001, 163/. В самом общем виде "формула" поиска, на первый взгляд, проста – "продвинуться

дальше того места, где ты находишься сейчас, и заново исследовать место, где ты оказался" /там же, с. 252/. Однако, при всей кажущейся простоте попыток найти в себе ответы на собственные вопросы – на практике оказывается, что это совсем не так просто. Но если все же удастся создать необходимые условия, действительно активизировать "путешествие" человека вглубь себя самого и помочь ему включиться в напряженный поиск, а он на этом пути сможет проявить достаточно серьезности, внимательности, настойчивости и мужества, то важные открытия и позитивные изменения не заставят себя ждать.

Поиск – это не просто реализация "наивной" созерцательной установки. Подлинный поиск включает не только рефлексивное самонаблюдение, но непременно и его осмысление.

Рефлексивное отношение к пониманию человеком своего "способа бытия", его проблематизация, выход за пределы привычного видения, взгляд с разных сторон, в разных контекстах – все это дает возможность нового понимания, нового осмысления, создает ситуацию «производства смысла» /Василюк, 1984/. Расширение, углубление, изменение или переосмысление контекста конкретной ситуации или проблемы дает шанс получить новое видение и новое понимание, новые вопросы и новые ответы... Простая и однозначная ситуация превращается в более сложную, вариативную, а проблема, кажущаяся тупиковой, превращается в открытую для изменения. В результате даже в самой трудной и безвыходной ситуации появляется новая надежда, новые шансы (классическая формула "экзистенциального клиента": «Я не знал, что у меня есть выбор...»). Появляется перспектива «поменяться местами» с ситуацией – уже не она «ведет» человека, управляет его действиями, а наоборот, у человека появляется шанс овладеть ею...

Причем, разнообразные исследования и огромный опыт экзистенциального консультирования делают очевидным чрезвычайно важный факт: ценностью обладают не только конкретные решения человека в результате такой рефлексии, но сам процесс глубинного поиска как таковой. Здесь процесс обладает не меньшей (а часто – большей) ценностью, чем результат. Прояснение для себя глубинных оснований собственной жизни, профессиональной деятельности или конкретной ситуации является деятельностью критической, продуктивной и развивающей – в том смысле, о котором говорит Дж. Бюджентал: "...результат, появляющийся в конце концов, больше, чем исходные условия. Последнее является ключевым. Из исследования моего осознания возникает нечто большее, чем то, что можно объяснить простой актуализацией прошлого опыта или какой-либо новой комбинацией предыдущего научения, которая получается из перетасовки информации в моей голове. ...мое внутреннее видение есть творческий процесс, который не только осматривает то, что уже имеется в наличии; он дает жизнь новым возможностям." / 1998. с. 315/. Иными словами, в отличие от «объективных» обследований, внешних измерений и диагнозов, которые могут вовсе не изменить человека, в ходе полноценного глубинного самоосмысления человек получает реальную возможность стать иным – появляется шанс для развития. То же можно сказать и о любой социальной группе, организации (в том числе и в сфере образования): рефлексивная работа способствует развитию.

Способности к такому поиску – поиску в глубинном, экзистенциальном смысле – являются одними из самых важных и мощных потенциальных ресурсов, которыми обладает каждый человек и которые могут в очень существенной степени сделать его сильнее, помочь в большей мере стать активным и ответственным хозяином своей жизни. Особенно важна готовность и способность к поиску и самообновлению в трудных ситуациях, в моменты жизненных перемен и кризисов...

С другой стороны, видимо, стоит согласиться с Джеймсом Бюдженталом – именно в утрате способности осознания, дефиците компетентности в самоисследовании" можно проследить причины многих личных и социальных неурядиц вплоть до их истока, лежащего в нашей неспособности осмысленно и целенаправленно использовать наши возможности." / там же /. Отсюда очевидна и настоятельная потребности в устранении данного дефицита...

Проблема эта особенно остра в сфере образования и подготовки психологов, поскольку здесь уже давно главными героями по преимуществу являются «третьи лица» – не живые и конкретные «Я» или «Ты», а абстрактные, обобщенные «другие», далекие «они», описываемые на номотетическом языке «общих законов». Студенты изучают множество очень важных вопросов; но при этом за скобками почти полностью оказывается совсем «мелочь»– они сами как личности, индивидуальности, субъекты деятельности и т.д., их собственный внутренний мир, ценности, смыслы, жизненные установки... На то имеется много объяснений и оправданий (даже этического характера!), но результатом такого «выплескивания» самого учащегося является острый дефицит подхода к образованию «от первого лица», – что, в свою очередь, ведет к весьма одностороннему видению и освоению психологии и делает очень проблематичным понимание будущими психологами основных движущих сил и действительно важных аспектов психологической реальности – «человеческого в человеке» (Ф.М.Достоевский).

...С тех пор, как много лет назад впервые прочитал "вопросы Роджерса", я часто задавал подобные вопросы себе самому, неоднократно предлагал проделать «работу самовопрошания» психологам, учителям (и уже работающим, и будущим) – и каждый раз наблюдал мощный развивающий эффект такой работы для самосознания и саморазвития. Большинству участников (как правило - и мне, даже если я был лишь организатором и фасилитатором этого процесса) открывались новые значимые аспекты и перспективы видения, понимания и совершенствования не только собственной деятельности, но и себя самого и того «межличностного мира» (пусть небольшого, недолговечного и постоянно меняющегося, но такого важного здесь и теперь!), который каждый из нас (вольно или невольно) пытается выстраивать в работе с людьми. Открытия, порой, потрясали и самих "открывателей"...

Вот почему так важно сегодня всемерно поддерживать и развивать готовность к поиску, к субъективному познанию и пониманию – особенно, конечно же, психологов. "Вопросы самому себе" – один из очень эффективных способов, как осуществления такого поиска, так и развития способности к нему, повышения рефлексивно-феноменологической компетентности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БРАТЧЕНКО С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования. М., 1999.
2. БРАТЧЕНКО С.Л. Гуманитарные смыслы последипломного педагогического образования. // Постдипломное педагогическое образование: проблемы качества. СПб., 2003. - С. 139-163.
3. БРАТЧЕНКО С.Л. Экспертиза в образовании взрослых – андрагогическая и гуманитарная. // Андрагогика. Материалы к глоссарию. Выпуск первый. СПб., 2004. - С. 80-98.
4. БЬЮДЖЕНТАЛЬ Дж. Наука быть живым. М., 1998.
5. БЬЮДЖЕНТАЛЬ Дж. Искусство психотерапевта. СПб., 2001.
6. ВАРЛАМОВА Е.П., СТЕПАНОВ С.Ю. Рефлексивная диагностика в системе образования // Вопросы психологии - 1997 - №5 - С. 28-43.
7. ВАСИЛЮК Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
8. ДЖЕНДЛИН Ю. Фокусирование: Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями., М., 2000 - 448 с.
9. КЛЮЕВА Н.В. Психологическое обеспечение педагогической деятельности. – Ярославль. 1998.
10. РОДЖЕРС К. К науке о личности. // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). М., 1986. С. 200-230.
11. РОДЖЕРС К. Вопросы, которые я бы себе задал, если бы был учителем. // Семья и школа. 1987 - №10 - С. 22-24.
12. BUGENTAL J.F.T. The art of the psychotherapist. New York, 1987.
13. BUGENTAL J.F.T., SAPIENZA B.G. The Three R's for Humanistic Psychology: Remembering, Reconciling, Reuniting. // The Humanistic Psychologist, 1992, № 2-3, P.273-284.
14. Братченко С.Л.